

РИЧАРД БУРК*

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ**

Аннотация: Подавляющая часть англо-саксонской и европейской историографии утверждает, что мир радикально изменился в результате Великой французской революции. В соответствии с этой традицией, современная эпоха отличается от предшествующего ей «старого порядка». В этой статье ставится под вопрос данная историографическая концепция и, как следствие, эпохальное значение событий 1789 года. Революция, несомненно, была весьма значимым событием в европейской истории, повлиявшим на все, происходившее в последующие несколько десятилетий. Но несмотря на очевидность этих изменений, все же, можно заметить и ряд явлений продолжающегося характера, избежавших влияния революции. Более того, мир до Революции нельзя оценивать как равномерный, единый «старый порядок». Само понятие «старого порядка» идет от Алексиса де Токвиля, но даже внимательное рассмотрение его работы показывает, что для самого Токвиля это понятие было гораздо более сложным и нюансированным, чем принято считать. Все это приводит к необходимости переосмысления нашей исторической ориентации. Значительная часть «старого порядка» до сих пор с нами, и потому Революцию следует рассматривать как драматическое событие, повлекшее за собой значительные перемены, но отнюдь не как начало новой эпохи.

Ключевые слова: Революция, «старый порядок», Токвиль, Руссо, Французская революция.

Наша интерпретация прошлого во многом определяет понимание настоящего. И наоборот — реакция на условия, поставленные окружающим миром, определяется нашими представлениями о его исторических предпосылках. Короче говоря, чтобы прийти к пониманию нынешнего состояния общества и политики, нам необходимо вооружиться знанием истории.

Проблема возникает уже на этом этапе. Историки редко обосновывают свои теории на базе непосредственного доступа к прошлому. Обычно они стараются полагаться на более широкое видение истории. Историческое знание не сводится к простому сбору сведений. Собрав факты, можно составить хронику, но для написания истории этого явно недостаточно. Чаще всего фактические данные в историческом изложении организованы в структуру категорий и предположений. Начать с того, что исторический тезис зависит от имплицитной теории причинно-следственной

*Бурк Ричард, профессор, Ун-т королевы Марии, Лондон, r.bourke@qmul.ac.uk.

**© Бурк, Р. © пер. с англ.: Чернина, Л. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

связи: она определяет то, как мы будем объяснять исторические перемены. Следовательно, она ставит нас перед необходимостью разделять историю на периоды — для идентификации общей ситуации до и после крупнейших исторических переворотов.

По этой причине периодизация всегда представляла собой ключевой и недооцененный элемент в исторической реконструкции¹. Настоящая статья посвящена одному конкретному периоду в Европейской истории — раннему Новому времени, которое обычно называют «Старым порядком». Следует с самого начала отметить, что этот оборот неоспорен: «Старый порядок» — не самый удачный перевод французского выражения *ancien régime*. Имея это в виду, не стоит забывать, что словосочетание *vieux régime* имело хождение и в конце XVIII столетия для обозначения положения вещей, царившего до Революции (Goubert, 1973: chart. 1²). Следовательно, для кого-то *ancien régime* — это характеристика ситуации, существовавшей до 1789 г., как устаревшей и неактуальной, а для кого-то — просто обозначение общества до водораздела.

В любом случае, мне нужно сразу же подчеркнуть, что меня интересует не Франция, или, по крайней мере, не только Франция. Моя тема — это перенос французского примера на широкую европейскую сцену. В случае с Францией трудно уйти от необходимости сравнения ситуаций до и после Революции, пусть даже разделение двух периодов может являться предметом серьезной полемики. Но еще менее очевидно, каким образом концепцию *ancien régime* можно распространить так, чтобы она отражала состояние Европы, скажем, до 1800 г.

Несмотря на возможные сомнения относительно допустимости интерпретации самых разных событий на континенте в свете конкретной национальной истории, в европейской историографии раннего Нового времени доминирует представление о «Старом порядке». К. Б. А. Бехренс в исследовании 1967 г. *The Ancien Régime* отразила общую тенденцию: «Сегодня часто считается, — писала она, — что Старый порядок был феноменом общеевропейским, а не только французским» (Behrens, 1967: 9). За два года до этого, в 1965 г., несколько менее уверенно о том же самом говорил оксфордский историк Дэвид Огг. Он писал: «...этот термин применялся и к другим странам, где старый порядок вещей постепенно вытеснялся» (Ogg, 1965: 13).

¹О спорах на эту тему см.: Gerhard, 1956; Green, 1992.

²См. также Doyle, 2001; Doyle, 2014.

Эти соображения, высказанные в шестидесятые годы, возникли на базе всеобщего консенсуса. Признаком этого консенсуса послужил выход в 1957 г. седьмого тома из четырнадцатитомной серии *The New Cambridge Modern History*, под ред. Дж. О. Линдсея, который так и назывался — *The Old Regime* (Lindsay, 1957). Я обращаю внимание на этот факт, потому что подзаголовок книги Линдсея резко противоречит направлению, заданному другим коллективным сборником, который начал выходить более чем полувеком ранее — в 1902 г. Это был первый многотомник *Cambridge Modern History*, который планировал католик и сторонник Гладстона, королевский профессор истории Кембриджского университета лорд Актон.

Шестой том «Кембриджской истории Нового времени» Актона, который соответствовал седьмому тому «Новой Кембриджской истории Нового времени» Линдсея (называвшемуся, как было отмечено, «Старый порядок»), имел еще более безликое заглавие: «Восемнадцатый век» (*The Cambridge Modern History*). Такое разительное несходство обозначение указывало на основополагающую разницу в концепциях. «Кембриджская история Нового времени» Актона была посвящена непрерывности исторического процесса, а «Новая история» стремилась указать на существенный хронологический разрыв.

Предисловие к первому тому актоновской «Истории» написал историк рубежа веков епископ Манделль Крейтон, который изучал папство эпохи Ренессанса и не скрывал, что воспринимает историю Нового времени как неразрывное целое. Более того, «Новое время», если верить первой «Кембриджской истории», началось в 1450 г., когда так называемый средневековый мир якобы начал исчезать. Начиная с эпохи Ренессанса, европейская история, по мнению авторов сборника, вступила в эру, которая продолжается по сей день. Именно тогда, по словам Крейтона, «проблемы, которые занимают нас до сих пор», впервые появились на сцене (Creighton, 1902: 1). После этого европейскую историю обустраивали два процесса: возникновение национального государства с одной стороны и рост индивидуализма с другой. Крейтон считал, что оба процесса улучшили мир. На самом деле, он пошел еще дальше: он утверждал, что практикующие историки должны считать аксиомой движение истории к прогрессу (*ibid.*: 4).

Со времен Второй мировой войны историки по большей части перестали разделять уверенность Актона в том, что Новое время началось около 1450 г. Сейчас принято считать, что эту эру следует отсчитывать от 1789 г. или от некоей «подготовки» к этому событию, поскольку

Революция оказала решающее влияние на всю Европу. Но несмотря на это, современные ученые принимают базовую предпосылку Манделля Крейтона, согласно которой Новое время — это век прогресса, и послевоенная историография описывает Старый порядок как нечто, принципиально отличающееся от нашего мира. В обоих случаях подразумевается, что обстоятельства улучшились; что современность, как бы мы ее ни датировали, представляет собой прыжок к счастью. Для нас в данном случае важно следующее: с 1945 г. многие историки пришли к мнению, что Старый порядок остался в прошлом. Молчаливая уверенность в том, что мы — дети прогресса, в определенном смысле объясняет распространенность выражения *ancien régime*: если сейчас мы живем в век свободы, демократии и равенства, тогда оставшееся позади — это, очевидно, Старый порядок.

О популярности обозначения «Старый порядок» свидетельствуют учебники и монографии, особенно начиная с семидесятых годов. Описание правительства и общества 1648–1789 гг., составленное Э. Н. Уильямсом, носит название *The Ancien Régime in Europe* (Williams, 1970). Французский историк Жан Мейер в 1973 г. писал о европейской знати *dans l'Europe d'Ancien Régime* (Meyer, 1973). Том Уильяма Дойла в многотомнике *Short Oxford Series of the Modern World*, посвященный 1660–1800 гг., назывался *The old European Order* (Doyle, 1992). И даже в явно ревизионистском труде Дж. Ч. Д. Кларка *English Society 1688–1832* открыто говорилось, что речь идет об анализе «Старого порядка» (Clark, 2000). Многотомную *Settecento Riformatore* Франко Вентури перевели в 1989 г. на английский язык под названием *The End of the Old Regime* (Venturi, 1989–1991).

Было бы неверно предполагать, что каждый раз словосочетание «Старый порядок» представляло собой синоним регресса, обозначая эру, которая, к счастью, осталась позади. Тем не менее, все работы, посвященные этому периоду, связывают так называемый *ancien régime* в Европе с консерватизмом, традиционализмом, иерархией и привилегиями. Американский историк Лео Гершой писал, что окончание этой эры знаменует переход от «деспотизма» к «революции» (Gershoy, 1944). Его соотечественник Иссер Волох указывал, что оно отмечено борьбой между «традицией» и «прогрессом» (Woloch, 1982). По мнению Джереми Блэка, «доминирующим этосом» в Европе XVIII в. был «патриархальный, иерархический, консервативный, религиозный и знаменовавшийся властью мужчин» (Black, 1999: 102).

Большинство историков уверены, что упадок Старого порядка был

вызван новыми идеями. Пол Хазард видел причину прекращения консенсуса *grand siècle* в религиозном скептицизме и научном рационализме (Hazard, 1953). Райнхарт Козеллек считал, что философский критицизм постепенно сформировал условия для начала кризиса (Koselleck, 1973). Франко Вентури был уверен, что устоявшиеся ценности и институты были сломлены европейским реформаторским движением (Venturi, 1971). А Джонатан Израэл полагает, что политический авторитет и религиозные суеверия были сведены на нет благотворными идеалами (Israel, 2014).

Эти исследователи написали целый ряд аналитических работ самого разного уровня. Но общая картина создает впечатление, что Просвещение послужило современному миру акушеркой. Везде описывается манихейская история о том, как философия набрасывается на Старый порядок, открывая век революций. В самых популярных изложениях этот нарратив сводится к тому, как ускорился прогресс в переходную эпоху, которую называют порой веком критицизма, началом секуляризма, концом привилегий и веком разума. Во всех случаях переход рассматривается так или иначе как некий мостик от Старого порядка к новому порядку вещей.

Подобно большинству исторических эпох, «Старый порядок» — позднее обозначение; оно было придумано для описания этой эры постфактум. Ретроспективное наименование периодов может быть очень точным, а может вызывать тяжелые споры. «Средневековье» изобрели в XVII столетии (Cellarius, 1676)³. В XVIII–XIX вв. этот термин наполнился негативными коннотациями, особенно у последователей Сен-Симона и у Маркса, который считал историю Средневековья по антигуманности равной «зоологии» (Brunner, 1968; Gerhard, 1960; Marx, Jolin, O'Malley, 1970: 82⁴). Сегодня этот термин широко используется в преподавании, хотя специалисты продолжают обсуждать его границы, а иногда даже оспаривают само его существование. «Ренессанс» — во многом дитя XIX столетия, когда стали утверждать, что современный мир начался в XIV в. По крайней мере, так думал Якоб Буркхардт; неоспоримым этот факт не назовешь (Burckhardt, 1990⁵).

Периодизация имеет идеологические основания, и это неизбежно. В начале своей «Истории» Фукидид отделил эпоху кочевников, когда

³В целом об этом см.: Вигт, 1914–1915: 813–815; Gordon, 1925.

⁴Маркс, 1955: 313.

⁵Буркхардт, Балашов, Маханьков, 1996.

переселения и миграции были в порядке вещей, от последующей эры расселения и колонизации (Thucydides, 1919: ii, 1 ff.⁶). Саллюстий выделял в римском прошлом эпоху доблести, за которой последовала эра разложения (Sallust, Rolfe, 1921: 3 ff.⁷). Августин более широко противопоставлял эпоху римской развращенности эпохе христианской набожности (Augustine, Dyson, 2005: 71–80⁸). Позднее историки отделили древнюю историю от новой и со временем стали дробить историю любыми способами: поздняя Античность, Средние века, долгое Средневековье, эпоха барокко, индустриальный век, эпоха крайностей (Brown, 1987; Le Goff, 2005⁹; Friedrich, 1952; Landes, 1969; Hobsbawm, 1994¹⁰). Я не хочу сказать, что мы должны распрощаться со всеми этими категориями, но нам следует применять их с определенной долей критицизма. Неверное употребление приводит не только к искажению картины прошлого; оно способно и извратить наше представление о настоящем.

Сомнения о пользе концепции Старого порядка возбуждает разнообразие временных рамок, к которым она применяется. В уже упомянутых текстах, посвященных этой эпохе, дата ее окончания варьируется от 1789 до 1800 и даже 1815 г. А Арно Майер вообще продлил Старый порядок вплоть до Первой мировой войны (Mayer, 2000). Разнообразие начальных дат бросается в глаза еще сильнее. Исходную точку помещают от 1648 до 1660 г. В одном случае ее отнесли к 1748 г. Чаще всего считается, что Старый порядок следует отсчитывать примерно с 1500 г. — отсюда лорд Актон начинал «Новую» историю. Но иногда его истоки возводят примерно к 800 г., когда арабское завоевание Южного Средиземноморья ознаменовало крушение античного мира, и инициатива в европейской истории перешла к германским племенам, обитавшим на севере.

Последняя точка зрения наиболее полно представлена немецким историком-эмигрантом Дитрихом Герхардом, который бежал от преследований нацистов в 1935 г. и получил известность в качестве компаративиста сначала в Вашингтоне (штат Миссури), а затем в Геттингене. Для Герхарда то, что он называл «кристаллизацией» Старого порядка, началось в конце первого тысячелетия с расселением германских племен, превращением личного военного патронажа в упорядоченную

⁶Фукидид, Стратановский, 1981: 5–6.

⁷Саллюстий, Горенштейн, 1981: 5–6.

⁸Августин, Еремеев, 1998: 73–81.

⁹Ле Гофф, Попова, 2007.

¹⁰Хобсбаум, Нарышкина, Никольская, 2004.

вассальную систему и возникновением настоящих феодальных отношений (Gerhard, 1981). В этом прочтении Старая Европа характеризуется в терминах укрепления социальных связей, выразившегося в идее «корпоративного порядка» сословий.

Интересно, влияние каких ученых испытывал на себе Герхард. Среди них был Отто Хинтце, уроженец Померании и великий исследователь прусской администрации¹¹. Столь же ключевую роль сыграл Отто Бруннер, бывший национал-социалист из Австрии, который переосмыслил представление о феоде в средневековой Южной Германии¹². Не менее важны в этом контексте Эмиль Лусс и Франсуа Оливье-Мартен — франко-бельгийские соавторы, исследовавшие возрождение корпоративных идеалов правления в межвоенный период (Lousse, 1943; Olivier-Martin, 1948). Но над всеми ними возвышается Алексис де Токвиль, главный вдохновитель идей Герхарда и всей теории характера *ancien régime*.

Учитывая важность Токвиля для нашей сегодняшней темы, я обращаюсь к основополагающим замечаниям, которые содержатся в его классическом исследовании *L'Ancien Régime et la Révolution*.

В четвертой главе первой книги «Старого порядка и революции» Токвиль рассматривает вопрос о единообразии социально-политических институтов, существовавших в Европе до Французской революции. Эти общие черты можно было обнаружить, по словам Токвиля, «в Европе почти повсеместно» (Tocqueville, Kahan, 1998: 102¹³). Но это «паразитальное сходство» не возникло в результате заимствований (Tocqueville, Kahan, 1998: 102). Наоборот, аналогичные институты и правовые положения появились в условиях взаимной изоляции, воцарившейся после краха Римской империи.

Токвиль полагал, что варварские племена, пришедшие на смену структуре античной цивилизации, разделили Европу на «множество мелких, разнородных и враждебных обществ» (Tocqueville, Kahan, 1998: 102¹⁴). Но с наступлением Средних веков наблюдается паразитальное сходство. Городские хартии, корпорации, положение крестьянства, организация поместья, характер фьефа были почти идентичны повсюду, «от границ

¹¹См. Gerhard, 1970.

¹²См. Gerhard, 1958: 363–364. Также следует обратить внимание на книгу Brunner, 1939, претерпевшую целый ряд изменений и дополнений.

¹³Токвиль, Фёдорова, 1997: 20.

¹⁴Токвиль, Фёдорова, 1997: 19.

Польши до Ирландского моря» (Tocqueville, Kahan, 1998: 103¹⁵). Эта общность, очевидно, объясняется общими условиями жизни, которые наблюдались в Англии, Германии и Франции. На этом основании то, что Токвиль называл «старым европейским порядком», просуществовало вплоть до конца раннего Нового времени (Tocqueville, Kahan, 1998: 103). Но в ходе XVIII столетия он претерпевал кризис и был уничтожен Французской революцией.

Множество элементов, которые современная историография находит в европейском Старом порядке, можно возвести к тексту Токвиля. Это важно для понимания авторитета Токвиля среди ученых XX в. Следует, впрочем, задаться вопросом о том, не повлиял ли на видение Токвиля выбранный им угол зрения. Токвиль полагал, что все строение рухнуло в 1789 г. Но разве те, кто сам жил при Старом порядке, считали, что социально-политическое устройство изменилось?

По-видимому, нет.

В дневниковой записи от 15 мая 1787 г., сделанной в начале путешествия по Франции, Артур Юнг отметил «внезапную и всеобщую перемену», которая поражала любого наблюдателя, прибывшего в Кале из Англии: «Сцена, люди, язык, все предметы — все новое», — писал он (Young, 1792: 3). Юнг имел в виду не только географические изменения: другой пейзаж частично объяснялся наличием множества мелких земельных наделов — так не похожих на ситуацию к востоку от Эльбы — и другими сельскохозяйственными практиками. Последние, в свою очередь, были плодом иной политической экономии. А это различие, по мнению Юнга, объяснялось событиями последних 130 лет, когда Британская и Французская империи основывались на противоборствующих системах управления.

Огромное различие между Британией и Францией к тому времени, как Юнг впервые пустился в путешествие, было уже распространенным мотивом. Вольтера в «Письмах об английской нации», опубликованных в 1733 г., поразили своеобразные принципы и институты, существовавшие в Британии: разнообразие религиозных сект, баланс между партиями, относительная легкость для процветания таланта (Voltaire, Cronk, 1994: Letters I–IX¹⁶). Через пятнадцать лет Монтескье, невзирая на принципиальные разногласия с Вольтером, еще раз привлек внимание к уникальности Британии. У каждого государства есть своя

¹⁵Токвиль, Фёдорова, 1997: 20.

¹⁶Вольтер, Шейнман-Топштейн, 2011: 437–584.

«особенная» цель, писал Монтескье в «Духе законов» (Montesquieu, Cohler, 1989: 156¹⁷). Особым призванием британцев, по его мнению, была цель политической свободы — цель, которая отличала британские институты от французских и от институтов всех прочих европейских стран, ограничивавшихся идеалами гражданской свободы (Montesquieu, Cohler, 1989: 156¹⁸).

Действительно, на уникальность Британии часто обращали внимание в странах Европы в XVII и XVIII вв. С современной историографической перспективы может показаться, что она была ярким исключением, только доказывавшим общее правило о схожести всех стран Европы. Однако мы видим, что законоведы, дипломаты, историки и путешественники, которые в тот период сравнивали разные страны, видели определенные различия.

Сэр Уильям Темпл, который стал послом в Нидерландах в 1668 г., перед этим побывав и поработав в Ирландии, Франции, Германии и Брюсселе, полагал, что управление и торговля в Соединенных Провинциях представляют собой скорее исключение, чем правило. Уникальность голландской политики, утверждал он, объясняется множеством муниципальных центров в Нидерландах. Плотность населения удорожает удобства, подстегивая промышленность и изобретательность. Все это придало Нидерландам особый характер, выразившийся не только в международной торговле, но и во внутреннем устройстве (Temple, 1673: 190–191).

Через сто лет после появления «Заметок о Соединенных Провинциях» Темпла английский историк и церковный деятель Уильям Кокс опубликовал сообщение о народах Северной Европы, которые тоже отличались скорее пестротой, чем единообразием. Например, Польша выделяется «уникальной системой правления» (Coxe, 1785: 81). Дания тоже прошла «беспримерный» путь, всего за год превратившись из аристократического государства в абсолютную монархию (ibid.: 335 ff.).

Больше всего, конечно, бросалась в глаза уникальность Польши. Даже Руссо рассуждал о том, почему это государство «устроено столь странным образом» (Rousseau, Kendall, 1985: 2¹⁹). Правда, его современники нередко то же самое говорили о России. Вольтер писал, что до Петра Великого Россия не была частью цивилизованной Европы

¹⁷Монтескье, Матешук, 1999: 137.

¹⁸Монтескье, Матешук, 1999: 138.

¹⁹Руссо, Занин, 2013: 498.

(Voltaire, 1777²⁰). По мнению Дидро, системы правления в Англии, Франции и России можно расположить в нисходящем порядке, причем разница от ступени к ступени каждый раз будет огромной (Diderot, 1992²¹). Джеймс Мэдисон, писавший сразу после Американской революции и рассматривавший происходящее по ту сторону Атлантики с точки зрения Нового света, полагал, что существует тенденция применять к европейским государствам упрощенные классификации, — он имел в виду Голландскую республику, Английскую республику, Венецианскую республику и Польско-Литовскую республику. Но реальность, которая скрывается за кажущимся единообразием, представляет собой целый каталог расхождений и различий. Эти примеры, писал он, «почти так же не похожи друг на друга», как все они — на то, что он называл «истинной республикой» (Hamilton, Jay, Madison, 2001: 194).

Множество рассуждений приходили к тому же самому выводу. Начало этой тенденции положил юрист и историк Самуэль фон Пуфендорф, который занимался преподаванием и наукой в Копенгагене, Гейдельберге, Лунде и Стокгольме. Будучи придворным историографом шведского короля, он составил сборник статей о европейских государствах, который был опубликован в 1682 г. под заголовком «Введение в историю основных государств Европы». Его картина поражает многообразием. Польский монарх является «верховным регентом» свободного содружества; для Соединенных Провинций характерна «нерегулярность»; английская конституция «примечательна»; отвращение испанцев к торговле и деловым отношениям уникально; французская знать практически сошла на нет (Pufendorf, 2013: 399, 306, 186, 81, 267). Но совершенно ни с чем не сравнимой представлялась Пуфендорфу Священная Римская империя, которую Токвиль считал абсолютно типичной. Впоследствии Пуфендорф называл ее совершенно «невероятной», даже «чудовищной» (Pufendorf, 2007: 159, 173).

Более века спустя Гегель в разгар французских революционных движений пришел почти к такому же выводу: развитие Германии отличалось от развития всех прочих стран континента, превратив ее (при всем уважении к Токвилю) в диковинку среди других европейских государств (Hegel, Dickey, Nisbet, 1999²²).

²⁰Вольтер, 2012.

²¹Дидро, Люблинский, 1947.

²²Гегель, Левина, 1978.

Нетрудно бросить взгляд на Европу XVI–XVIII вв. и заметить то, что видели современники: не столько набор форм правления с одинаковой культурой и основаниями, сколько огромное разнообразие видов социальной и политической жизни: рабство в одной части большой Европы и свободное крестьянство, обрабатывающее землю, в другой; выборная монархия там и наследственная монархия тут; патрицианский бизнес в Голландской республике и презрение знати к торговле в Испании; расхождения в церковных учреждениях и секты, повсеместно выступающие против национальной Церкви; упадок власти местной аристократии во Франции и незыблемость авторитета юнкерства в прусских провинциях; гордая своей непобедимостью Англия и недавно завоеванная территория Ирландии; автократический режим в России и преимущественно дворянское правление в Швеции; увеличение численности знати путем продажи титулов во Франции и увеличение численности знати через государственную службу в Британии.

В каждом случае первоначальная феодальная знать практически исчезла, оставив за собой сложную систему стратификации, в которой в разных комбинациях сочетались честь, рождение и состояние. Когда весной 1789 г. в Версале собрались Генеральные Штаты, депутаты разделились по сословиям, которые практически не отражали разнообразие привилегий, и конфликты внутри каждого сословия были существенно важнее, чем любые различия, зафиксированные законом.

Именно масштаб и широта расхождений приближают общество XVIII в., общество так называемого *ancien régime*, к нашему миру по крайней мере настолько же, насколько и к теоретическому идеалу сословного общества. Как бы эффективен ни был этот идеал в копировании реальности в XIV в., четыреста лет спустя он совершенно утратил привлекательность.

В 1739 г., когда Дэвид Юм взялся анализировать основные различия, существовавшие в окружающем мире, с целью понять, каким образом стратификация уживается с гармонией, он сосредоточился на иерархиях богатства и власти, которые прекрасно узнаваемы и сегодня²³.

Жан-Жак Руссо, представляя теоретическую модель развития общества в 1755 г., также указывал, что различия в накоплении богатств все больше становятся основным признаком неравенства по мере движения

²³См. главу «О нашем уважении к богатым и могущественным [лицам]» в Hume, Norton, 2008: 231 ff. (Юм, Церетели, 1996: 404–412.).

истории от первобытной простоты к веку коммерции (Rousseau, Masters, Kelly, 1992: 63²⁴).

Другой пример: когда на заре Французской революции Эммануэль-Жозеф Сийес решил обрисовать проявления несправедливости, свойственные его эпохе, он представил картину общества, несправедливо делящегося на класс рабочих и класс рантье, не обязанных трудиться (Sieyès, 2003: 94-95²⁵).

Так что большинство наблюдателей-современников отмечали в своем мире основные разногласия, по крайней мере, сопоставимые с нашими. Говоря это, я ни на секунду не предполагаю, что нет ничего нового под солнцем, — просто отличия нашей эпохи от предшествующих не так решительны, как часто кажется.

Это приводит меня к двум выводам: во-первых, представление о том, что современный мир освободился от «эры привилегий», существовавшей в раннее Новое время, препятствует четкому видению как прошлого, так и настоящего; во-вторых, наша задача как историков состоит в том, чтобы не упускать очевидное разнообразие проявлений Старого порядка, а также моральную дистанцию между нами и тем миром, который мы якобы потеряли (Laslett, 1992).

Теперь я перехожу к ключевому вопросу: почему же сочетание столь разнородных черт, свойственных разным обществам так называемого *ancien régime* и столь очевидных современникам, показалось Алексису де Токвилю таким однообразным? Ответ простой: оно вовсе не казалось ему таковым. До настоящего момента я оперировал стандартным отношением к Токвилю как к основателю четкой концепции Европы в эпоху *ancien régime*. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что в его собственном представлении ничего такого не было.

Когда выше в этой статье я называл Токвиля единственным в XIX в. поборником идеи европейского Старого порядка, я делал это, как и его последователи, исходя из единственной главы книги «Старый порядок и революция», посвященной средневековым истокам европейского общества. Но этот очерк отношений, обусловленных требованиями земельного владения и фьефа, необходимо дополнить параллельными рассуждениями Токвиля о динамическом развитии истории Нового времени. Это развитие, убежден Токвиль, показывает сложный процесс, в ходе которого общество, построенное на сеньориальных обязательствах

²⁴Руссо, Хаютин, 1969: 92.

²⁵Сийес, Певзнер, 2003.

и корпоративных привилегиях, оказалось под давлением разнообразных противодействующих сил, что привело к радикальной модификации социально-политических отношений, сформировавшихся, скажем, в XII в.

Всем известно, что ключевой противодействующей силой, которую обозначил Токвиль в «Старом порядке и революции», было неуклонное «усиление могущества и прав государственной власти» (Tocqueville, Kahan, 1998: 105²⁶). На практике это означало исчезновение манориальной юстиции, снижение политической роли знати в управлении приходом и упадок авторитета аристократии среди провинциальной администрации.

Выигрывал от всего этого королевский аппарат власти, сосредоточенный в руках *conseil du roi* и воплощенный в фигуре генерального контролера. Токвиль приводит слова одного из бывших генеральных контролеров, блестящего шотландского политэконома Джона Ло, обращенные к маркизу д'Ажансону: «Французское королевство управляется тридцатью интендантами» (Tocqueville, Kahan, 1998: 118²⁷). По мнению Токвиля, эта фраза отражала следующий факт: упадок общинной жизни в деревнях и прекращение участия ремесленников в управлении городами. Таким образом, вопреки сложившемуся мнению, знаменитой ночью 4 августа 1789 г. революция упразднила не «феодализм», а систему остаточных обязательств и налогов, сохранившихся в эпоху крестьянской собственности и централизованного управления.

Многое в «Старом порядке и революции» Токвиля почерпнуто у Эдмунда Берка, так называемого консерватора, взявшегося поучать якобы либералов (насколько эти термины применимы в этом контексте — а они, разумеется, неприменимы)²⁸. Но тут, похоже, все совпало. Когда Берк в «Размышлениях о революции во Франции» жаловался, что «слава Европы угасла навсегда», он имел в виду общий крах, который так и не наступил (Burke, 2001: 238²⁹).

Соответственно, многому из того, что зародилось в эпоху, которую мы привыкли называть Старым порядком, суждена была долгая славная жизнь: верховенство закона, имеющее глубокие корни в европейской истории, все еще с нами; парламентаризм, институт *ancien régime*, никуда не делся; конституционализм родился раньше 1789 г., как и разделение

²⁶Токвиль, Фёдорова, 1997: 23.

²⁷Токвиль, Фёдорова, 1997: 35.

²⁸См. Bourke, 2015: 926, 16.

²⁹Берк, Гельфанд, 1993.

властей или независимый суд. Семья, законы наследования, кредитные учреждения, контрактные обязательства и права собственности остались при нас; конечно, не в первоначальной форме — но их история восходит к той эпохе. Как возражал Токвиль Берку, революция была не концом цивилизации, а ее увековечиванием другим способом.

С кончиной Старого порядка Берк оплакивал не ожидаемый упадок власти баронов, не конец мелких сеньориальных поборов, не смерть провинциального деспотизма или золоченого блеска абсолютной монархии — то есть не все то, по чему он сокрушался вслух. Наоборот, для него «слава» Европы жиджилась на двух фундаментальных принципах: с одной стороны, на моральном равенстве, с другой — на частной собственности. Токвиль, конечно, не возражал. Напротив, он беспокоился, что ни собственность, ни умеренное равенство не переживут упадка смешанного правительства во Франции, — упадка, который в 1850-е гг., когда работал Токвиль, еще не был преодолен.

Хорошо известно, что многие существенные элементы исторического видения Токвиля восходят к Гизо (Craiutu, 1999; Furet, 1994; Kelly, 1992). Сам же Гизо многим обязан философам и историкам XVIII в.: Вольтеру, Адаму Смиту, Уильяму Робертсону, Адаму Фергюсону и Джону Миллару (Росок, 1999; Verga, 2012: 353–360). Именно в этой среде впервые была высказана идея об общеевропейском опыте. Но эти авторы имели в виду, что общеевропейская история сформировалась сразу после падения Римской империи. Речь шла, во-первых, о расселении готских племен по всему континенту, затем о переходе от аллодиального держания к феодальному, и, наконец, о формировании военной аристократии, возглавляемой зависимыми монархами. За этими явлениями последовал рост городов, вторичное открытие римского права и распространение независимой судебной администрации.

Важнее всего, что, по мнению каждого из этих историографов эпохи Просвещения, за общностью, очевидной в XIV столетии, последовало существенное расхождение, заметное начиная с XVI в. Иными словами, настоящие прародители представления о «Старом порядке» не видели Старого порядка в тот период, к которому это выражение обычно относится. Кроме того, ни на каком этапе не было конфликта между «старым» и «новым», между чистыми принципами прогресса и регресса. Наоборот, эти мыслители полагали, что исторические компоненты сочетаются и оказывают влияние друг на друга. Таким образом складывалась, формируя картину постоянного компромисса и изменений и представление о «прогрессивных» силах. Нечеткий характер этих сил

объясняется тем, что их развитие было обусловлено теми же процессами, которым они противостояли.

Эти соображения приводят меня к следующему выводу. Настоящая статья посвящена использованию истории в понимании унаследованного нами мира. Одна из ключевых мыслей состоит в том, что понимания социально-политических процессов легче всего достичь путем исторического исследования. Это было совершенно очевидно Юму и Гегелю, а также Марксу и Веберу. Но не менее очевидно, что готовые исторические структуры, объясняющие перемены и ключевые исторические периоды, могут исказить картину прошлого и тем самым помешать точному восприятию того, к чему мы пришли — и, следовательно, к чему мы идем дальше.

Историческое исследование справедливо считается доказательным процессом. Но мы знаем, что доказательства часто подбираются просто для подтверждения первоначальной гипотезы, которая неверно отражает реальные события. Поэтому историкам приходится не только отсеивать, собирать и компилировать, но и теоретизировать и выдвигать догадки. Для начала необходимо поставить под сомнение привычные нарративы, которые используются для объяснения хода истории. Чаще всего говорится о прогрессивном движении от суеверия к знанию, от привилегий к свободе, от иерархии к равенству, от традиционных форм легитимации к рациональным, от власти силы к власти согласия, от Старого порядка к современности.

Если усомниться в этих нарративах, первой, скорее всего, исчезнет сама идея единого прогресса. Очень немногие историки всерьез говорят, что история развивается вперед, но большинство из них подразумевает это — и мыслит именно в этих категориях. Любой профессиональный историк решительно противостоит греху написания «виговской» интерпретации истории³⁰. Но виги давно исчезли, и поэтому не так уж очевидно, с чем именно они борются.

Более актуальный противник, действительно существенная на сегодняшний день историческая телеология, — это представление о том, что конечным итогом процессов, которые мы одобряем, стала либеральная демократия. Чаще всего говорят, что начало этому процессу было положено в век революции, который покончил с феноменом *ancien régime*³¹. Я же пытаюсь отстаивать более критический и менее самоуверенный

³⁰Речь идет, разумеется, о книге: Butterfield, 1965.

³¹Характерный пример такого отношения содержится в книге: Palmer, 1959–1965.

подход, который признает, что мы представляем собой в большей степени продукт прошлого, а не исправление его ошибок. История — это не дурной сон, который мы пытаемся стряхнуть с себя, а то пространство, в котором мы существуем.

Источники

- Августин*. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божием. I–XIII / пер. с лат., под ред. С. Еремеева. — СПб., Киев : Алетейя, УЦИММ-Пресс, 1998.
- Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер. с англ. Е. Гельфанд. — М. : Рудомино, 1993.
- Вольтер*. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / пер. с фр. С. Шейнман-Топштейн. — М. : АСТ, 2011.
- Вольтер*. История Российской империи в царствование Петра Великого / под ред. М. Т. Каченовского ; пер. с фр. С. А. Смирнова. — СПб. : Ленинград, 2012.
- Гегель Г. В. Ф.* Конституция Германии / пер. с нем. М. Левиной // Политические произведения. — М. : Наука. — С. 65–183.
- Дидро Д.* Замечания на наказ ее императорского величества депутатам Комиссии по составлению законов / пер. с фр. П. Люблинского // Собрание сочинений. Т. 10. — М. : Гослитиздат, 1947. — С. 418–511.
- Маркс К.* Сочинения. Т. 1. К критике гегелевской философии права. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1955. — С. 219–368.
- Монтескье Ш. де.* О духе законов / пер. с фр. А. Матешук. — М. : Мысль, 1999.
- Руссо Ж.-Ж.* О происхождении и основаниях неравенства между людьми / пер. с фр. А. Хаютина // Трактаты. — М. : Наука, 1969. — С. 31–108.
- Руссо Ж.-Ж.* Рассуждения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. // Политические сочинения / пер. с фр. С. Занина. — СПб. : Росток, 2013.
- Саллюстий, Гай Крисп.* О заговоре Катилины // Сочинения / пер. с лат. В. Горенштейна. — М. : Наука, 1981.
- Сийес Э.-Ж.* Что такое третье сословие? : пер. с фр. // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту / под ред. М. Б. Певзнер. — СПб. : Алетейя, 2003. — С. 149–150.
- Токвиль А. де.* Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Фёдоровой. — М. : Моск. философский фонд, 1997.
- Фукидид.* История / пер. с греч. Д. Стратановского [и др.] — Л. : Наука, 1981.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. Церетели // Сочинения. В 2 т. Т. 1. — 2-е изд. — М. : Мысль, 1996. — С. 53–655.

- Augustine*. The City of God against the Pagans / ed. by R. W. Dyson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
- Burke E.* Reflections on the Revolution in France / ed. by J. C. D. Clark. — Stanford, CA : Stanford University Press, 2001.
- Cellarius C.* Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae. — Jena, 1676.
- Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark : in 2 vols. — London, 1785.
- Diderot*. Observations sur le Nakaz // Political Writings / ed. by J. H. Mason, R. Wokler. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
- Hegel G. W. F.* The German Constitution // Political Writings / ed. by L. Dickey, H. B. Nisbet. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
- Hume D.* A Treatise of Human Nature / ed. by D. F. Norton. — Oxford : Oxford University Press, 2008.
- Marx K.* Critique of Hegel's "Philosophy of Right" / ed. by J. O'Malley ; trans. by A. Jolin, J. O'Malley. — Cambridge : Cambridge University Press, 1970.
- Montesquieu*. The Spirit of the Laws / ed. by A. Cohler et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
- Pufendorf S.* The Present State of Germany / ed. by M. J. Seidler. — Indianapolis : Liberty Fund, 2007.
- Pufendorf S.* An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe / ed. by M. J. Seidler. — Indianapolis : Liberty Fund, 2013.
- Rousseau J.-J.* The Government of Poland / trans. from the French by W. Kendall. — Indianapolis : Hackett, 1985.
- Rousseau J.-J.* Discourse on the Origins of Inequality / ed. by R. D. Masters, C. Kelly. — Hanover, London : University Press of New England, 1992.
- Sallust*. The War with Catiline / trans. by J. C. Rolfe. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1921.
- Sieyès E. J.* What is the Third Estate? // Political Writings / ed. by M. Sonenscher. — Indianapolis : Hackett Publishing, 2003.
- Temple W.* Observations on the United Provinces of the Netherlands. — London, 1673.
- Thucydides*. History of the Peloponnesian War. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1919.
- Tocqueville A. de*. The Old Regime and the Revolution / trans. by A. S. Kahan. — Chicago, London : Chicago University Press, 1998.
- Voltaire*. The History of the Russian Empire under Peter the Great : in 2 vols. — Aberdeen, 1777.
- Voltaire*. Letters concerning the English Nation / ed. by N. Cronk. — Oxford : Oxford University Press, 1994.
- Young A.* Travels in France during the Years 1787, 1788 and 1789. — Bury St. Edmunds, 1792.

ЛИТЕРАТУРА

- Буржхардт Я.* Культура Возрождения в Италии / пер. с итал. Н. Н. Балашова, И. И. Маханькова. — М. : Юрист, 1996.
- Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / пер. с фр. А. Поповой. — М. : Александрия, 2007.
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / пер. с англ. Е. Нарышкиной, А. Никольской. — М. : Изд-во Независимая газета, 2004.
- Behrens C. B. A.* The Ancien Regime. — London : Thames and Hudson, 1967.
- Black J.* Eighteenth-Century Europe. — 2nd ed. — Basingstoke : Macmillan, 1999.
- Bourke R.* Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke. — Princeton : Princeton University Press, 2015.
- Brown P.* Late Antiquity. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1987.
- Brunner O.* Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südwestdeutschlands im Mittelalter. — Baden-bei-Wien : Rohrer, 1939.
- Brunner O.* Feudalism: The History of a Concept // Lordship and Community in Medieval Europe: Selected Readings / ed. by F. L. Cheyette. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1968.
- Burckhardt J.* The Civilization of Renaissance Italy. — London : Penguin, 1990.
- Burr G. L.* How the Middle Ages Got Their Name // The American Historical Review. — 1914–1915. — Vol. 20. — Pp. 813–815.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. — New York : Norton, 1965.
- Clark J. C. D.* English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- Craiutu A.* Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. — 1999. — Vol. 20, no. 3. — Pp. 456–493.
- Creighton M.* Introductory Note // The Cambridge Modern History. In 14 vols. Vol. 1. The Renaissance / ed. by A. W. Ward et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1902.
- Doyle W.* The Old European Order, 1660–1800. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 1992.
- Doyle W.* The Ancien Regime. — 2nd ed. — Basingstoke : Palgrave, 2001.
- Friedrich C. J.* The Age of the Baroque, 1610–1660. — New York : Harper, 1952.
- Furet F.* French Historians and the Reconstruction of the Republican Tradition, 1800–1848 // The Invention of the Modern Republic / ed. by B. Fontana. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
- Gerhard D.* Periodization in European History // The American Historical Review. — 1956. — Vol. 61, no. 4. — Pp. 900–913.
- Gerhard D.* Otto Brunner. Neue Wege der Sozialgeschichte: Vorträge und Aufsätze // The Journal of Modern History. — 1958. — Vol. 30, no. 4. — Pp. 363–364.

- Gerhard D.* Guizot, Augustin Thierry und die Rolle des Tiers État in der französischen Geschichte // *Historische Zeitschrift*. — 1960. — Bd. 190, Nr. 2. — S. 290–310.
- Gerhard D.* Otto Hintze: His Work and His Significance in Historiography // *Central European History*. — 1970. — Vol. 3, no. 1/2. — Pp. 17–48.
- Gerhard D.* Old Europe: A Study of Continuity, 1000–1800. — New York : Academic Press, 1981.
- Gershoy L.* From Despotism to Revolution, 1763–1789. — New York : Harper & Bros., 1944.
- Gordon G. S.* Medium Aevum and the Middle Ages. — London : Society for Pure English, 1925.
- Goubert P.* The Ancien Régime: French Society, 1600–1750 / trans. by S. Cox. — London : Phoenix, 1973.
- Green W. A.* Periodization in European and World History // *Journal of World History*. — 1992. — Vol. 3, no. 1. — Pp. 13–53.
- Hamilton A., Jay J., Madison J.* The Federalist / ed. by G. W. Gideon, J. McClellan. — Indianapolis : Liberty Fund, 2001.
- Hazard P.* The European Mind, 1680–1715. — London : Hollis and Carter, 1953.
- Hobsbaum E.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. — London : Michael Joseph, 1994.
- Israel J.* Revolutionary Ideas: An Intellectual History of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2014.
- Kelly G. A.* The Humane Comedy: Constant, Tocqueville and French Liberalism. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
- Koselleck R.* Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. — 2. Aufl. — Frankfurt : Suhrkamp, 1973.
- Landes D. S.* The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development // *Western Europe from 1750 to the Present*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
- Laslett P.* The World We Have Lost — Further Explored. — London : Routledge, 1992.
- Le Goff J.* The Birth of Europe. — Oxford : Blackwell, 2005.
- Lousse É.* La société d'ancien régime: organisation et représentation corporatives. — Louvain : Éditions Universitas, 1943.
- Mayer A.* The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War. — 2nd ed. — London : Verso, 2000.
- Meyer J.* Noblesses et pouvoirs: dans l'Europe d'Ancien Régime. — Paris : Hachette, 1973.
- Ogg D.* Europe of the Ancien Régime, 1715–1783. — London : Collins, 1965.
- Olivier-Martin F.* Histoire du droit français des origines à la révolution. — Paris : Domat-Montchrestien, 1948.

- Palmer R. R.* The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800 : in 2 vols. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1959–1965.
- Pocock J. G. A.* Enlightenment and Counter-Enlightenment, Revolution and Counter-Revolution: A Eurosceptical Enquiry // History of Political Thought. — 1999. — Vol. 20, no. 1. — Pp. 125–139.
- The Cambridge Modern History : in 14 vols. / ed. by A. W. Ward et al. — Cambridge : Cambridge University Press, 1902–1912.
- The New Cambridge Modern History. Vol. VII. The Old Regime, 1713–63 / ed. by J. O. Lindsay. — Cambridge : Cambridge University Press, 1957.
- The Oxford Handbook of the Old Régime / ed. by W. Doyle. — Oxford : Oxford University Press, 2014.
- Venturi F.* Utopia and Reform in the Enlightenment. — Cambridge : Cambridge University Press, 1971.
- Venturi F.* The End of the Old Regime in Europe, 1768–1789 : in 3 vols. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989–1991.
- Verga M.* European Civilization and the “Emulation of the Nations”: Histories of Europe from the Enlightenment to Guizot // History of European Ideas. — 2012. — Vol. 34, no. 4. — Pp. 353–360.
- Williams E. N.* The Ancien Régime in Europe: Government and Society in the Major States, 1648–1789. — London : Bodley Head, 1970.
- Woloch I.* Eighteenth-Century Europe: Tradition and Progress, 1715–1789. — New York : Norton, 1982.

Burk, R. [Bourke, R.] 2017. “Staryy poryadok i Revolyutsiya [The Old Regime and the Revolution]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 34–56.

RICHARD BOURKE

PROFESSOR, QUEEN MARY UNIVERSITY OF LONDON

THE OLD REGIME AND THE REVOLUTION

Abstract: Anglophone and European History standardly views the world as having been radically transformed with the advent of the French Revolution. The tendency is to distinguish a modern epoch from a preceding “old regime”. This article takes issue with this historiographical vision, and thus the epochal significance of 1789 as well. The Revolution was certainly a major event in European history, impacting on events for decades to come. Yet underneath the evident changes that the Revolution brought we can detect essential continuities. Moreover, the world preceding the Revolution cannot be uniformly described as a single “old regime”, combining a specific political structure with one particular form of society. The notion of ancien régime Europe derives substantially from Alexis de Tocqueville. However, closer inspection of his work clearly shows that Tocqueville’s account was altogether more complex and nuanced. All this amounts to suggesting that we need to re-think how

we orientate ourselves historically. Much of the so-called old regime is still with us, and the Revolution, instead of being seen as a watershed, should be regarded as a dramatic event that contributed powerfully to change — but not as an event which succeeded in defining a new age.

Keywords: Ancien Régime, Revolution, Alexis de Tocqueville, Rousseau, French Revolution.

REFERENCES

- Augustine. 2005. *The City of God against the Pagans*. Ed. by R. W. Dyson. Cambridge: Cambridge University Press.
- Behrens, C. B. A. 1967. *The Ancien Régime*. London: Thames and Hudson.
- Black, J. 1999. *Eighteenth-Century Europe*. 2nd ed. Basingstoke: Macmillan.
- Bourke, R. 2015. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*. Princeton: Princeton University Press.
- Brown, P. 1987. *Late Antiquity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Brunner, O. 1939. *Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südwestdeutschlands im Mittelalter* [in German]. Baden-bei-Wien: Rohrer.
- . 1968. "Feudalism: The History of a Concept." In *Lordship and Community in Medieval Europe: Selected Readings*, ed. by F. L. Cheyette. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Burckhardt, J. 1990. *The Civilization of Renaissance Italy*. London: Penguin.
- Burke, E. 2001. *Reflections on the Revolution in France*. Ed. by J. C. D. Clark. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Burr, G. L. 1914–1915. "How the Middle Ages Got Their Name." *The American Historical Review* 20:813–815.
- Butterfield, H. 1965. *The Whig Interpretation of History*. New York: Norton.
- Cellarius, S. 1676. *Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae*. Jena.
- Clark, J. C. D. 2000. *English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics during the Ancien Régime*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coxe, W. 1785. *Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark*. 2 vols. London.
- Craiutu, A. 1999. "Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Sollard, Rémusat)." *History of Political Thought* 20 (3): 456–493.
- Creighton, M. "Introductory Note." In *The Renaissance*, vol. 1 of *The Cambridge Modern History*, ed. by Ward, A. W. et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diderot. 1992. "Observations sur le Nakaz." In *Political Writings*, ed. by J. H. Mason and R. Wokler. Cambridge: Cambridge University Press.
- Doyle, W. 1992. *The Old European Order, 1660–1800*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- . 2001. *The Ancien Régime*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave.
- , ed. 2014. *The Oxford Handbook of the Old Régime*. Oxford: Oxford University Press.
- Friedrich, C. J. 1952. *The Age of the Baroque, 1610–1660*. New York: Harper.
- Furet, F. 1994. "French Historians and the Reconstruction of the Republican Tradition, 1800–1848." In *The Invention of the Modern Republic*, ed. by B. Fontana. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gerhard, D. 1956. "Periodization in European History." *The American Historical Review* 61 (4): 900–913.
- . 1958. "Otto Brunner. Neue Wege der Sozialgeschichte: Vorträge und Aufsätze." *The Journal of Modern History* 30 (4): 363–364.
- . 1960. "Guizot, Augustin Thierry and die Rolle des Tiers État in der französischen Geschichte" [in German]. *Historische Zeitschrift* 190 (2): 290–310.

- . 1970. "Otto Hintze: His Work and His Significance in Historiography." *Central European History* 3 (1–2): 17–48.
- . 1981. *Old Europe: A Study of Continuity, 1000–1800*. New York: Academic Press.
- Gershoy, L. 1944. *From Despotism to Revolution, 1763–1789*. New York: Harper & Bros.
- Gordon, G. S. 1925. *Medium Aevum and the Middle Ages*. London: Society for Pure English.
- Goubert, P. 1973. *The Ancien Régime: French Society, 1600–1750*. Trans. by S. Cox. London: Phoenix.
- Green, W. A. 1992. "Periodization in European and World History." *Journal of World History* 3 (1): 13–53.
- Hamilton, A., J. Jay, and J. Madison. 2001. *The Federalist*. Ed. by G. W. Gideon and J. McClellan. Indianapolis: Liberty Fund.
- Hazard, P. 1953. *The European Mind, 1680–1715*. London: Hollis and Carter.
- Hegel, G. W. F. 1999. "The German Constitution." In *Political Writings*, ed. by L. Dickey and H. B. Nisbet. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobsbawm, E. 1994. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. London: Michael Joseph.
- Hume, D. 2008. *A Treatise of Human Nature*. Ed. by D. F. Norton. Oxford: Oxford University Press.
- Israel, J. 2014. *Revolutionary Ideas: An Intellectual History of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kelly, G. A. 1992. *The Humane Comedy: Constant, Tocqueville and French Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Koselleck, R. 1973. *Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt* [in German]. 2nd ed. Frankfurt: Suhrkamp.
- Landes, D. S. 1969. "The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development." In *Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Laslett, P. 1992. *The World We Have Lost — Further Explored*. London: Routledge.
- Le Goff, J. 2005. *The Birth of Europe*. Oxford: Blackwell.
- Lindsay, J. O., ed. 1957. *The Old Regime, 1713–63*. Vol. VII of *The New Cambridge Modern History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lousse, É. 1943. *La société d'ancien régime: organisation et représentation corporatives* [in French]. Louvain: Éditions Universitas.
- Marx, K. 1970. *Critique of Hegel's "Philosophy of Right"*. Ed. by J. O'Malley. Trans. by A. Jolin and J. O'Malley. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mayer, A. 2000. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. 2nd ed. London: Verso.
- Meyer, J. 1973. *Noblesses et pouvoirs: dans l'Europe d'Ancien Régime* [in French]. Paris: Hachette.
- Montesquieu. 1989. *The Spirit of the Laws*. Ed. by Cohler, A. et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ogg, D. 1965. *Europe of the Ancien Régime, 1715–1789*. London: Collins.
- Olivier-Martin, F. 1948. *Histoire du droit français des origines à la révolution* [in French]. Paris: Domat-Montchrestien.
- Palmer, R. R. 1959. *The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800*. 2 vols. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pocock, J. G. A. 1999. "Enlightenment and Counter-Enlightenment, Revolution and Counter-Revolution: A Euroceptical Enquiry." *History of Political Thought* 20 (1): 125–139.

- Pufendorf, S. 2007. *The Present State of Germany*. Ed. by M. J. Seidler. Indianapolis: Liberty Fund.
- . 2013. *An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe*. Ed. by M. J. Seidler. Indianapolis: Liberty Fund.
- Rousseau, J.-J. 1985. *The Government of Poland*. Trans. from the French by W. Kendall. Indianapolis: Hackett.
- . 1992. *Discourse on the Origins of Inequality*. Ed. by R. D. Masters and Ch. Kelly. Hanover and London: University Press of New England.
- Sallust. 1921. *The War with Catiline*. Trans. by J. C. Rolfe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Sieyès, E. J. 2003. "What is the Third Estate?." In *Political Writings*, ed. by M. Sonenscher. Indianapolis: Hackett Publishing.
- Temple, W. 1673. *Observations on the United Provinces of the Netherlands*. London.
- Thucydides. 1919. *History of the Peloponnesian War*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Tocqueville, A. de. 1998. *The Old Regime and the Revolution*. Trans. by A. S. Kahan. Chicago and London: Chicago University Press.
- Venturi, F. 1971. *Utopia and Reform in the Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1989. *The End of the Old Regime in Europe, 1768–1789*. 3 vols. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Verga, M. 2012. "European Civilization and the 'Emulation of the Nations': Histories of Europe from the Enlightenment to Guizot." *History of European Ideas* 34 (4): 353–360.
- Voltaire. 1777. *The History of the Russian Empire under Peter the Great*. 2 vols. Aberdeen.
- . 1994. *Letters concerning the English Nation*. Ed. by N. Cronk. Oxford: Oxford University Press.
- Ward, A. W. et al., ed. 1902. *The Cambridge Modern History*. 14 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Williams, E. N. 1970. *The Ancien Régime in Europe: Government and Society in the Major States, 1648–1789*. London: Bodley Head.
- Woloch, I. 1982. *Eighteenth-Century Europe: Tradition and Progress, 1715–1789*. New York: Norton.
- Young, A. 1792. *Travels in France during the Years 1787, 1788 and 1789*. Bury St. Edmunds.